

Мария Некрасова

Жуткая сказка на ночь

Как я стал призраком

Мария Евгеньевна Некрасова

Как я стал привидением

Серия «Жуткая сказка на ночь»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165218
Некрасова М. Как я стал привидением: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-26769-9*

Аннотация

Что делать, если твой младший брат... исчезает на глазах? Худеет, бледнеет и начинает проходить сквозь предметы? Непонятно почему, но он превращается в призрака. Ты и сам чувствуешь себя как-то странно... И, кажется, станешь следующим, если немедленно не разберешься в этой истории!

Содержание

Глава I	4
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мария Некрасова

Как я стал привидением

Глава I

Детские страхи

За окном весело грохотали грузовики, перекрикивались на незнакомом языке рабочие, перекрещивались, шумя и подмигивая, стрелы башенных кранов. Они калякали в воздухе причудливые знаки, и я в сотый раз подумал: это неспроста. Наверняка краны так пишут послания инопланетянам или, на худой конец, спутникам в космосе: «На стройке все спокойно, не волнуйтесь за нас». Или наоборот: «Кончается кирпич. Срочно сбросьте пару тонн». Космический спутник открывает люк и выворачивает на Землю тонны кирпичей, на кого бог пошлет. Не в Россию, так в Африку, не в Москву, так в Урюпинск, – какая разница! Кирпич всем нужен.

Я перевернулся на другой бок. Что за ерунда лезет в голову в четыре утра! На улице было темно, а мою комнату освещал бесстыжий прожектор со стройки.

Стройка достала всех. Она, видите ли, какая-то супермегасрочная, поэтому работа не останавливается ни на минуту.

Ей все равно: день или ночь, контрольная у тебя завтра или ты прогулять надумал... Все-рав-но. Если ты живешь рядом со стройкой – сам виноват. Сиди и слушай круглые сутки, как громыхают грузовики, шумят краны, перекрикиваются не по-русски строители.

Строителям можно корчить рожи – так они близко. В окно не высунешься без того, чтобы не поймать чей-нибудь любопытный взгляд, хотя живем мы на третьем этаже. А еще сейчас весна, жарко, у нас все окна нараспашку. Того и гляди: залезет в комнату какой-нибудь любопытный строитель, рассядется в моем кресле и начнет болтать на тарабарском своим языком...

Чепуха, конечно, а все же неудобно с этими строителями. Они какие-то чумовые: все время кричат, поют... А уж как они галдят, садясь в автобус, когда приезжает другая смена! Таких воплей я не слышал даже в зоопарке. А чтобы так автобус шатался, я вообще никогда не видел, даже в кино. Мне еще повезло: я не понимаю, что они там кричат. Вот продавщица из нашего магазина – все понимает. Ей деваться некуда: три смены строителей три раза в сутки заходят к ней, чтобы купить себе на обед пива и колбасы. В очереди стоять они не умеют, внятно объяснить, что им надо, – тоже. Но продавщица все понимает и терпеливо обслуживает. Она ласково называет строителей «чебурашками».

– Здравствуй, чебурашка.

– Бла-бла-бла.

– Два светлых и салями?

– Бла!

– На. Вали быстрее, не создавай очередь.

Строитель торопливо уходит, шелестя пакетом, чтобы, отобедав, пить с друзьями у меня под окнами.

Так и живем.

За окном гроыхнул особо громкий грузовик и крикнул что-то особо горластый чебурашка. Четыре утра, завтра контрольная. Я не ботан, но мне будет обидно получить сниженную оценку из-за чебурашек. Так что спать, спать... По боку грузовики. Стройка идет не первый месяц, пора бы уж привыкнуть.

– Дэн...

Это Саня, мой младший брат. Он еще не вышел из того возраста, когда бояться темноты и ночных шумов. Вот и вскакивает по ночам, перебегая спать то к родителям, то ко мне. Все, уснуть сегодня, кажется, не удастся.

– Заходи, не стой. Сейчас я тебе на кресле постелю.

– Денис, не надо.

– Не надо?

Саня хлопнул носом и в сотый раз за последнюю неделю сообщил:

– У меня в комнате кто-то есть.

Это уже начало приедаться. Раньше Саня просто боялся – и все. Молча приходил среди ночи, тихонько разбирал себе кресло-кровать и ложился. Я вставал утром, натыкался на

спящего Саню и не помнил, как он пришел, потому что брат у меня вообще-то деликатный, почем зря будить никого не станет. А на прошлой неделе у него появился вполне конкретный глюк, и его «у меня в комнате кто-то есть» я и родители слышим по двести раз за ночь. Проверяем, конечно, надо же ребенка успокоить. Только Саня не успокаивается, талдычит свое. «Кто-то есть» – и все тут. Вариант потихоньку перебраться спать ко мне или родителям его уже не устраивает. Он боится, что тот, кто сидит у него в комнате, переберется следом. Логично, конечно, только от этого не легче.

– Брат, тебе сколько лет?

– Семь.

– Большой уже, первый класс скоро закончишь.

– Я не вру, Дэн, правда. Он залезает с улицы в окно, садится в кресло и рассказывает страшные истории.

– По-русски?

– Да.

– Тогда врешь. В окно с улицы к тебе мог залезть только кто-нибудь из сумасшедших рабочих со стройки. А они по-русски не говорят.

– Ну правда!

– Закрой окно.

– Так закрыл!

Это было уже слишком. Я стараюсь терпимо относиться к Сашкиным страхам. Потому что, когда не стараюсь, отец напоминает мне те светлые времена, когда я сам был мелкий и

перед сном тыкал шваброй под кровать, чтобы выгнать всех чудищ (а, сознаюсь, крайне неприятно, когда тебе напоминают такие вещи). Но всю неделю еженощно вставать и разгонять Сашкиных чудищ, мягко говоря, утомительно.

– Уломал, брат. Найди в шкафу мой спальник и пенку, заночую сегодня у тебя.

Радостный Сашка полез в шкаф. Я глянул на часы: «заночую» – сильно сказано. Скоро пять утра, через два часа вставать в школу. Какой длинный нынче май! Скорее бы уж экзамены да каникулы!

Глава II

Яркий цвет

Утром Сашка сказал мне «спасибо», и я ему буркнул:
– Расти уже быстрее.

Ко мне чудище не пришло. Кто бы сомневался! Зато на жестком полу я так намял себе спину, что все утро ходил, как модель по подиуму: прямо и задрав подбородок, чтобы поглощенная линейка не проткнула нёбо.

Мать за завтраком долго смотрела на меня, потом потянулась через стол и взъерошила мне волосы:

– Светлеешь, в меня.

– Да? – Я глянул в зеркальную дверцу серванта. В самом деле: я стал блондином, почти как Сашка. – Не замечал.

– Сама только заметила. Вы оба – мои мальчики.

Отец пробормотал что-то вроде: «Не только твой». Сашка быстро бросил: «Не хочу есть» – и ускакал. Я уже через пять минут забыл, что у меня такое с волосами: ну светлею и светлею, подумашь! Но в школе мне напомнили.

Еще в гардеробе меня поймал Леха-одноклассник, оглядел мою шевелюру и завопил во всю ивановскую:

– Дэн покрасил волосы! Денис, тебя не устраивает твой натуральный цвет? Хочешь поговорить об этом?

Я хотел вмазать ему, но Леха успел убежать. Придурок,

что с него возьмешь...

Но когда я вошел в класс, все уже хихикали и косились на меня. Леха, сорока в джинсах, постарался.

— Дэн, какой яркий цвет! — восхитилась Гулимова. — Что за краской ты пользуешься?

— Скипидаром живичным. Заливаешь в штаны и бежишь со всех ног в надежде, что по дороге попадется парикмахерская, где тебя поймают и покрасят, чтобы гаишники за версту видели.

Гулимова сделала квадратные глаза в попытке переварить, что я такое сказал. Дура!

Звонок меня спас. Но ненадолго, как и ожидалось, а только на сорок минут. Потом пришлось отбиваться, как пару лет назад, когда мы только переехали и я был новеньким в этой школе. За сегодняшний несчастный школьный день я раздал, наверное, десяток подзатыльников, устроил, наверное, пятнадцать драк, а уж сколько раз мне пришлось отбредиваться словами...

В общем, домой я завалился веселый, жизнерадостный и взбодренный драками.

Родители еще не пришли, зато братец давно вернулся из школы и, кажется, даже успел сделать уроки. Во всяком случае, он бесцельно слонялся по дому, а не канючил над столом с учебниками. Правда, видок у него был озабоченный, поэтому я решил проконтролировать:

– Ты уроки сделал, брат?

Сашка недовольно дернул плечом:

– Какие уроки? Сегодня последний день в школе!

И верно – последний. Только у меня еще экзамены, а у первоклашек – нет...

– А чего грустный, как будто вся четверть впереди?

Молчание. Та-ак, это уже серьезно! Если мой братец отказывается ныть и жаловаться на жизнь, когда предлагают, – это не к добру. Я поднял его под руки (легкий стал, как щенок) и усадил на диван:

– Колись, чего набедокурил?

– Ты не согласишься, – заныл-таки брат.

– Не поверю, если будешь врать.

– Правда... Я превращаюсь в призрака.

Глава III

Призрак

Заявление было сильное. Я же предупреждал, что врать не следует, так что Сашка, скорее всего, не врет. Он фантазирует. Навоображал себе призраков и сам по ходу решил стать одним из них.

– С чего ты взял?

– Я легкий...

– Заметил. Еще что?

– Я... – Сашка зажмурился, замахнулся на меня и... двинул кулаком спинку дивана. Вот так: мелкий Сашкин кулачок спокойно прошел сквозь меня, врезал дивану и вернулся в исходную позицию. – Видал?

Я видал. Такое – впервые. То есть нет: я раньше видел это по телику, в фильмах, где призраки проходили сквозь предметы, но чтобы дома...

– А почему рука не прошла сквозь диван?

– Потому что я еще не совсем призрак. Я только превращаюсь. Понимаешь?

Разве такое можно понять? Так просто, в один прекрасный день подходит к тебе младший брат и говорит: «Я скоро стану призраком». Не понимаю. В голове не укладывается.

– Это фокус?

– Нет, говорю же! – Сашка готов был разреветься. – Правда!

Я и сам видел, что правда.

– Но почему?

– Не знаю, – брат серьезно пожал плечами. – Думаю, это как-то связано с призраком, который приходит ко мне по ночам.

– Опять ты за свое! Никого там нет! Никто не приходит!

Сашка вскочил и молча ушел к себе. Я успел крикнуть ему вслед:

– Уболтал! Сегодня опять ночью у тебя!

Настроение было мерзкое, а джинсы – длинными. Я это заметил, когда попытался встать и наступил себе на штанину. Странно, вроде не новые, еще с утра еле прикрывали щиколотку... Вытянулись, что ли? Я встал, мимоходом глянул в зеркало и понял, что нет, не вытянулись штаны, это я стал меньше ростом. Раньше в висящем на стене зеркале мой портрет помещался свободно, а теперь там отражалась только моя макушка! Впрочем, зеркало могли и перевесить...

Спотыкаясь о штанины, я рванул в Сашкину комнату, где был детский ростомер. Вспомнить бы еще, какой у меня рост... У мамы сто семьдесят три, я чуть пониже... Ну, допустим, сто шестьдесят семь...

Прислонился к ростомеру, отошел... Сто пятьдесят пять!

– Да, ты стал ниже, – хладнокровно заметил мой добрый брат. – И лицо какое-то детское... Волосы опять же...

Блин! Не знаю, что происходит, но с этим надо немедленно разобраться. Хорошо, если зачинщик всего безобразия является в Сашкину комнату по ночам – хотя бы далеко бегать не надо.

– Матери не говори.

– Что я, дурак?

– Сегодня ночью у тебя.

– Понял уже.

– Все. Держись! Окно не открывай, а то тебя ветром унесет.

– Сам дурак!

Вот и поговорили. Я ушел к себе, низкорослый и задумчивый.

Родители ничего не заметили. Ни-че-го. Ни моего маленького роста, ни детского лица, ни Сашкиной призрачности. Хотя за ужином он долго не мог взять вилку, пальцы то и дело проходили сквозь нее. Ну и хорошо. В смысле, хорошо, что не заметили. Нам паникеров не надо, нам надо поймать чертова призрака и вернуть себе прежний вид. Надеюсь, это возможно.

Вечером Сашка первый побежал чистить зубы, хотя обычно его не загонишь, сам достал мой спальник и пенку, сам постелил себе и мне. Родителям он заявил, что хочет хорошенько выспаться перед каникулами, а я ему нужен для контроля. Что конкретно я должен был контролировать, никто не спросил. Ну и отлично. В половине одиннадцатого мы уже

залегли на боевой пост и погасили свет.

– Окно открыть?

– Не нужно. Ему окно – не помеха, он везде пролезет.

– М-да, весело тебе тут спать.

– Вот видишь! А ты не верил...

– Я и сейчас не очень-то верю. Просто призрак – самое логичное объяснение тому, что с нами сейчас происходит. Хоть я и не видел никакого призрака.

– Увидишь, – гуманно пообещал Сашка.

Я уставился в окно. Еще даже не стемнело, рано мы залегли. Впрочем, фонари на улице скоро зажглись, а Сашка засопел. Ночь. Где ты, призрак? Заходи, мне надо перекинуться с тобой парой слов. Я в сотый раз глянул на кресло у окна – пусто. Ждем. Надеюсь, призрак все-таки сегодня зайдет, не испугается меня. Да и чего меня пугаться? Мелкий, белобрысый, с детским лицом...

И тут я услышал стук.

Стучали в окно. Я как глянул – чуть не провалился сквозь пенку на пол. Из-за оконного стекла на меня в упор глядела старуха. Нет, я все понимаю, пенсионеры нынче бойкие, но, е-мое, все-таки третий этаж!

Я встал и пошел открывать.

– Не надо! – шепнул Сашка. – Он сам...

– Кто он?

– Призрак – это он.

– ЭТО?!

– А что такого?

И в самом деле – что? Просто я уже успел навоображать нечто эфирное, светящееся, обязательно мужского пола... Сашка ведь говорил о призраке «он». «Он» – призрак, все правильно.

Окно я все-таки открыл и даже автоматически подал бабушке руку. Старуха за окном третьего этажа – зрелище без того сильное, а если она еще будет проходить сквозь стекло... Нет, пусть уж лучше так.

Бабулька лихо перелезла через подоконник, плюхнулась в кресло и с удовольствием отметила как бы про себя, но вслух:

– Новенький пришел! Значит, сегодня начнем историю с начала, он же не слышал.

– Нет! – завопил Сашка. – Дэн здесь по делу!

– По делу, – подтвердил я. – У меня есть к вам пара вопросов.

– Всему свое время, родной, – разулыбалась бабулька (улыбка была жутковатая: за ней один зуб, и тот – железный), – сперва история, потом вопросы, таковы правила.

– Чьи правила?

– Мои! – рявкнула старуха так, что башенные краны за окном синхронно замерли. Я испугался, как бы она родителей не разбудила, и кивнул:

– Хорошо.

– Нет! – Сашка потянул меня за спальник. – Она никогда

не закончит свою историю. Каждое утро уходит, обещая завтра вернуться с продолжением.

Я вопросительно глянул на бабульку.

– Неправда! Закончу, когда закончится. Терпение надо иметь!

– Какое терпение, когда я скоро превращусь...

– Довольно! – отрезала старуха. – Или слушай, или попробуй заснуть.

– Пробовал – не получается! – шепнул мне Сашка.

М-да, обидно. На что только не идут чокнутые пенсионеры, чтобы заставить окружающих слушать себя... Я выбрался из спальника и пошел на кухню.

– Ты куда?

– За чипсами. Помирать – так с хрустом.

Бабулька ничего не сказала. Она терпеливо дождалась, пока я вернусь, пристрою тарелку на Сашкином одеяле, застегну спальник, и только тогда начала:

– Все эти рабочие, которых вы видите сейчас в окно...

– Нас уже достали!

– Не перебивай. Эти рабочие – не живые люди.

– Ага, машины. Кто ж еще может пахать двадцать четыре часа в сутки!

– Не перебивай!

– А то что? Не будете рассказывать? – хитро улыбнулся Сашка.

– Я вообще уйду. И оставайтесь как есть, никто вам не поможет.

Угроза была солидная, и на Сашку я цыкнул. Бабулька удовлетворенно кивнула и продолжила:

– Рабочие не роботы, не люди, они призраки.

– Все? Там их сотни две!

– Все. А вы думали, сколько надо, чтобы построить дом? Да еще такой огромный. Как ваш!

– Неправда! Наш меньше! – захныкал Сашка.

Я не понял, чего это он?

– Меньше. Но его строили те же рабочие, когда еще были людьми. А по соседству тоже было несколько строек, вот вам и лишняя сотня. Этот дом, – она кивнула за окно, – строят все те, кто строил наш микрорайон.

– И все призраки? – спросил я.

– Да.

А Сашка спросил:

– Русские?

– Русские, конечно.

– А почему говорят не по-нашему?

– Чтобы ты не понял! Они призраки, ты живой. Ты серьезно считаешь, что можешь их понять?

– Но вас же понимаю...

– Потому что я говорю на твоём языке. А со своими – на своём.

– С кем, со своими?

Старуха не ответила, и я понял с кем. Интересно, а как же продавщица из нашей булочной? Она что – тоже... Но спросить я не решился. А Сашка не стеснялся сыпать вопросами:

– Как же так? Они ведь пьют, едят, поют...

– Правильно. Это единственное, что они умеют. Ну и еще строить, конечно, – зло сказала бабка и отвернулась.

– Пусть так, – не выдержал я паузы. – Дальше что?

Бабулька сидела, не поворачиваясь, и мелко тряслась. Была бы живая, я бы подумал, что она плачет.

Сашка приложил палец к губам:

– Тихо. Сейчас продолжит.

Продолжит-то продолжит, а ночь не резиновая. Мы здесь не затем, чтобы слушать ее дурацкие истории. Это не самоцель, а лишь обязательная часть программы.

– Эй!

– Тс-с! – опять остановил меня братишка. – Не сбивай ее.

Хорошо, не буду. Сашке можно верить. В конце концов, он уже раз слышал эту историю.

Между тем бабулька повернулась, и я увидел, что она действительно плачет. Призраки, блин! Одни пиво пьют по вечерам и поют потом так, что живым не уснуть, другая – плачет. Чего они не умеют вообще, а?

– Я их всех убила, – брякнула бабулька сквозь всхлипы. – Я!

Такого заявления я не ожидал. Даже Сашка перестал хрустеть чипсами, хотя он-то слышал его не впервые.

Я представил себе, как субтильная старушка пробирается на стройку с гранатометом (автомата будет мало на такое количество человек) и от души палит по людям, кранам, недостроенным стенам... Стены падают, хороня под собой по несколько десятков человек зараз, летят осколки на кого бог пошлет... А может быть, она просто взорвала все стройки? М-да, Шапокляк отдыхает...

– Я переловила их по одному, только пару десятков удалось накрыть обвалившейся стеной, а остальных – по одному, – сообщила рыдающая старушка, видимо, прочитав мои мысли.

Ничего себе! Да тут жизни не хватит, чтобы каждого!

– Успела за два месяца, – опять просканировала меня бабка. – Они даже достроили квартал, и последних пришлось вылавливать дома или по дороге домой. – Рассказчица опять сделала театральную паузу, давая нам возможность осмыслить услышанное.

Сильна, что и говорить! Такая и нас грохнет легким движением руки, даже страшилку дослушать не успеем.

– Она не виновата, – шепнул мне Сашка. – Ты дослушай, за что она их...

– Они убили моего сына! – выкрикнула бабулька и опять разрыдалась. – Он был у меня один, больше никого! Был славный мальчик, ничего им не сделал! Мимо шел, вот и вся его вина. А они... Пьяное быдло! Нашли себе развлечение!

– Что, просто так? – не выдержал я.

– Просто. Так. Они замуровали его в подвале дома, в котором мы сейчас находимся. Живого! Ему и было-то семь годков...

Сашка разревелся, то ли от ужаса, то ли с бабушкой за компанию. Кто их разберет, этих детей! Они одинаково боятся и восставших из могил мертвяков, и живых, вполне реальных ублюдков, которые спяну могут вот так запросто поймать тебя, мелкого, и забавы ради замуровать в подвале. Еще и смеялись небось. Блин! Не хочу больше жить.

Я встал и пошел на кухню. Мерно дребезжал холодильник – вот кому все по фигу! Я достал минералки и плеснул в стакан. Нет – в два. Сашка небось тоже захочет пить. Потом и в третий – если бабулька-призрак умеет плакать, значит, и от воды не откажется.

В окно светили прожектора со стройки. Они всегда рядом. Днем и ночью. Две сотни убийц ежедневно заглядывают в мое окно.

Так, секунду... А почему две сотни? В смысле, что-то много убийц получается. Бывают пьяные компании человек по пять-десять, но чтобы двести – не верю! Я схватил стаканы и помчался в комнату. Может, бабулька врет? Или просто рассказывает страшную историю, как в летнем лагере у костра: то, чего никогда не было, но ты все равно испугаешься? Я так и спросил с порога:

– Почему две сотни? Почему так много?

– Я не знала, кто конкретно, мерзавцев человек пять бы-

ло, – быстро ответила бабулька, и я понял, что она не врет. – Он пошел гулять и вечером не вернулся. Я искала его полночи и весь следующий день до вечера. А ночью...

– Что?

– Лежу на диване, одетая, сил нет раздеваться, валерьянки наглоталась, пытаюсь уснуть. И смотрю: он в углу стоит. В комнате. Светится весь, и цементный раствор с него стекает. Я, говорит, на стройке. Ты не ищи меня. И рассказал все как было. Я вскочила сразу, на стройку побежала, думала: найду, хоть похороню. А там сторож. Он и слушать не стал, спустил собаку. Я страсть как боюсь собак. И тогда я решила, что отомщу. Нельзя убийцам среди людей!

М-да, бабульке, убившей столько народу, наверное, виднее.

– Я работала крановщицей на одной из строек. Я могла отомстить.

Глава IV

Шахерезада

Бабулька отхлебнула минералки, и мы с Сашкой тоже захлюпали, как будто ждали команды. Я уже не знал, как к ней относиться. Маньячка-убийца, отправившая на тот свет двести человек? Несчастливая, которую пьяные ублюдки лишили сына? Призрак, который вламывается по ночам к моему брату и рассказывает страшилки? Я решил: пусть будет призрак. Призрак – самое нейтральное. Пусть приходит, пусть рассказывает. Надо же ей кому-то это рассказать.

– Что дальше было?

– Много чего, – простодушно заявила бабулька, – первого я убила на следующее же утро. Мне сынок его подробно описал: высокий, светлые волосы, светлые глаза. Я подловила его на обеде, когда все ушли, а он замешкался около ванны с раствором. Подошла сзади, толкнула, дернула за ногу. Он и сообразить ничего не успел, как вдохнул цемента с песком. А я ушла. Все потом думали, что несчастный случай: шел человек, споткнулся, упал в ванну с раствором и утонул. Вот со вторым пришлось повозиться...

Она говорила, а я думал: мы-то тут при чем? Хотя той, что убила столько человек за грех пятерых, наверное, еще двое не будут лишними. Главное – мы не узнаем от нее, ни

что с нами происходит, ни как с этим бороться, пока она не расскажет ВСЕ истории. Двести историй убийств. Пока она закончит, Сашка совсем станет призраком, а я – непонятно кем. Мой братец, кажется, то же самое понял. Во всяком случае, он толкнул меня в бок и шепнул:

– Зря я тебя позвал. Мы с ней уже до пятидесятого дошли, а теперь приходится слушать все сначала.

Я ответил:

– Спокойно, брат, прорвемся, – и с невинной гримасой спросил у бабульки: – Что с Сашкой?

– Он превращается в призрака, чтобы занять место моего сына. Я не могу предать его тело земле, но могу освободить его, подложив на его место кого-то еще. Не перебивай. Так вот, замахиваюсь я на него лопатой...

Понятненько. Значит, бабулька промстила всю жизнь, так и не удосужившись похоронить своего ребенка. Теперь, значит, спохватилась.

– А со мной-то что? – перебил я снова.

– Ты займешь Сашино место на земле. Его мать будет очень волноваться, если он исчезнет. А так вместо него будешь ты.

– А вместо меня кто?

– Никто. Ты будешь жить, просто займешь место брата. Куда там денется твоя старая оболочка, меня не волнует. Я тебя не забираю. Я забираю твоего брата. И о замене я позаботилась... Так вот дальше... Но он оказался не промах и

схватил пожарное ведро, чтобы защищаться...

Бабулька снова увлеклась рассказом о своих убийствах, а я занимался тем, что думал. Думал, что пока в мире, пусть и потустороннем, такая чумовая система отчетности, его никакая красота не спасет. Ничего себе заявочки: «Меня не волнует, куда ты денешься, потому что я тебя не забираю, а твоего брата, чье место займешь ты...» Бред! Полный бред! А что там бабка говорила насчет предания тела земле? Может быть, если мы отыщем ее парня и похороним, она отстанет? Понимаю, что жутковато, но терять Сашку – тоже не комильфо. И если уж выбирать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.